

ЮРИЙ АЛОТОВ

РОДОВАЯ ВЕТКА

РОДОВАЯ ВЕТКА

В ленивом кедровнике вечер
Пугливой залёг куропаткой.
Но месяц лукавой повадкой
По следу пустил звёзды-свечи.

За юртой — костёр. Тихий говор:
— Богата добыча, однако!
Скулёж годовалой собаки
И летний реки скрытый гонор.

За временем серой кукушки
Пришло многорыбье и сытость.
То — девственный мир,
сама дикость,
Припал к щедрой тундре-кормушке.

А старый Алот — род Кававов —
Давно не ходил за оленем.
Из стойбища утром весенним,
Ушёл, как уходят Кававы,
Под лоно речных нерестилищ

В тиши доживать своё лето.
Три песни о жизни пропеты.
Четвёртую песнь у святилищ
Приходят допеть чавчулены:
«То ек, к, е г, ано Потат-Гытгын!»
Течёт из него речка Пылгын.
Как жизни извилистой вена,
Несёт сил и времени соки
По землям оставленных предков.

Как лист, кем-то сорванный
с ветки,
Снесён на чужие протоки,
Затерян в кедровничьих весях
Из рода Понявшихся корень.

ДАР БЫЛОГО

Исконно
На земле моей сказитель
Древним словом был отмечен!

Вот и я, гор здешний житель
Призаял для пущей речи
Малость русича-казака
Говор, кровушку и веру.

Но не меньше Бог, однако,
Иностранного отметил
На роду моем.

И дразнит,
И зовёт тревога тундры
В непокой люских дерзаний.

Ох, извилисты и трудны
Тропы судеб и деяний
Земляков моих.

Сказанье,
Неприкаянный свидетель,
Вновь тревожит состраданьем
Слог и разум.

Юрий Александрович Алотов (1955 г.р., Палан Камчатской обл.) — поэт, композитор, член Союза писателей России (1996), лауреат литературной премии им. Г. Г. Поротова (1998). Мать — из рода потомственного оленевода. Отец — украинец. Детство провёл среди кочующих оленеводов-чавчуленов в с. Воямполка. После окончания в 1973 г. средней школы работал связистом. Бард, исполнитель авторских песен под гитару и бубен. Первые публикации стихов появились в местной периодической печати в конце 1980-х гг. В 1988 г. участвовал в окружном совещании молодых литераторов в Палане. В 1989 г. победил в областном конкурсе самодеятельной песни «Камчатская гитара». В 1990 г. вышел первый поэтический сборник «Слеги чавчулена». В 1990 г. поэт дебютировал в сборнике «Камчатка» исторической поэмой «Жертва вождя». В 1994 г. под этим же названием вышел второй поэтический сборник Алотова: в него также вошли цикл стихов «Слово деда», поэтические картины и миниатюры. Пишет на русском языке, в тексты включает чавчуленские междометия, возгласы, напевы, напутствия, пожелания, представляя их переводы в сносках и примечаниях. В 1992 г. участвовал в областном фестивале камчатских композиторов. В 1999 г. под псевдонимом Этлой Камчачу вышла книга «Медвежья пурга», написанная по мотивам древних эвенских легенд. К эвенской теме пришёл в 1996 г., находясь в творческой командировке в Быстринском районе. В содружестве с руководителями ансамблей «Нулгур» и «Нургэнэк» написал сценарии для постановки национальных спектаклей и праздников. Под влиянием легенд и древних эвенских сказаний родился поэтический цикл, посвящённый эвенкам — аборигенным жителям Быстринского района, включённый в сборник «Медвежья пурга». Произведения изданы на немецком, французском, испанском (1999–2002). Пробует силы в прозаическом жанре. В 2015 г. вышел сборник «Два японца. Избранное». Живёт в Палане.

Дух-радетель
Снова ищет истин семя
В поднебесном слоге вящем.

Эге-гей!
Клич? Иль песня?
Нет! — прощенье
Уж какого поколенья
Белой братии шаманов!
Ворожбу забыть их рано!

Вот и нам пришло время
Говорить святым наречьем.
Мы- их семя! Мы — их племя!
К,ыетге, Тийкитий-еэчгын!

Ветры вольные, умрите!
Воды рек, морей, уймитесь!
Тише, братья, помолчите!
Будет срок — наговоритесь!

Дайте чуять, дайте слышать
Дых пылающей утробы
Нашей Матери-Природы.

Ох, мешает звук веселья
В этот час в соседней юрте.
Полоумен бред их песен.
К,нут коетыльг,атан,
Мыевк,ун!

Знать бы, знать бы суть порока.
Где та грязная протока,
Что вливает в жизни русло
Дурно пахнущее сусло?

Уж напевы нам в стыдобу!
Да танцуем только «вроде»!
Не поём, а корчим, портим!
«Не моё! Не наше! Чёрт с ним!»

Вон, кругом уж все такие.
Пьянство — в радость!
Думы прячем!
И, глядишь, уже батрачим
На идею о всеобщем
Рав-но-пра-ви-и!

А-а, впрочем...

Ну, скажи, земляк,
За землю.
За народец здешний, древний
Ёкнет сердце?
Вздрагнет дума?

Знаю!
Ян, увон, ивык лыгума,
Что-нибудь совсем простое,
Иль газетною строкою!

Эх, давно к горе священной
Не ходили Чавчувены!..

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Шуршала трава.
Ветер округу ласкал.
Летувье молчал,
За гладью реки наблюдал.

А день — на закат.
И красился дальний увал
Вечерним костром.
Остывшее блюдо светила
Увал ублажал.

Скучающий пёс
Лениво смахнул комара
Линялым хвостом.

Стекала дневная жара,
Дневная пора
С листвы и стволов тальника

В ложбинку ручья-родника,
И дальше, сюда, где жила
Прохладой немою река.

Суетным был
Гагары сварливый полёт.
Кедровка орёт
На чей-то незванный приход.

Вскинул свой нос
Уже не скучающий пёс
На звук от ручья,
Где в хмурости грёз
Утёс безымянный зарос.

Шуршала трава.
Ветер округу ласкал.
Летувье молчал,
За гладью реки наблюдал.

ПЕСНЯ КАЮРА

Оо-ео! Ое-ой!
Скрип. Скрип гружёных нарт.
Трут полозья стылый наст.
Древний мотив зимней дороги
Длинный, как скрип гружёных нарт.

Оо-ео! Ое-ой!
Даль. Даль снегов и гор.
Вновь с ней спорит вольный взор.
Древний мотив зимней дороги,
Длинный, как даль снегов и гор.

Там, там, где небо вниз
Льёт безбрежности каприз,
Древний мотив зимней дороги
Прячется там, где небо — вниз.

Оо-ео! Ое-ой!
Скрип. Скрип гружёных нарт.
Трут полозья стылый наст.

Древний мотив зимней дороги
Длинный, как скрип гружёных нарт.

Оо-ео! Ое-ой!

ВРОДЕ БЫ...

Хочется думать о вечном и добром.
Видится мир всё же чистым
и добрым.

Но за спиной опалённой мышью
заря
Шепчет в затылок обиженным
словом:
«Всё зря!»

И прячется!
Можно, конечно, забыться за делом,
Можно картину слюняво заделать,
Можно в угоду желанью
придумать сюжет,
Иль философски итожить
какой-нибудь бред

Скорей всего...

Только жизни каюр плохо знает
дорогу,
Близко упряжка к ущелья порогу.
Сзади — неумные речи
хмельных земляков,
Внявших идее из громких
наречий и слов,
Не истине.

Доволен приятель: — Собачка —
на шапку!
Стёрлись границы — где дружба,
где взятка.
Плюётся на дождь загулявший отец
у крыльца,
Пьяной рукою всё гонит морщину
с лица,
И горбится.

Дочь чавчувена в объятьях
не первых,
Ей ли не быть беспринципной
стервой,
Помнящей мать и слюнявую речь
чужака,
Грубую похоть на грязных буграх
тюфяка
Неверности.

Клянётся побитый сынок
в отмщеньи,
Лишь возраст помехой. Но годы —
мгновенье.
Обида ребёнка без ласки и мира
семьи
Нащупала корнем недобрые
соки земли
И кормится.

Можно, конечно, забыться за делом,
Можно картину слюняво заделать,
Можно в угоду желанью
придумать сюжет,
Иль философски итожить
какой-нибудь бред
Скорей всего...

Но... Хочется думать о вечном
и добром.
Видится мир всё же чистым
и добрым.

Вроде бы!
Вроде бы...

ТУНДРА, ГАРА, КУЛИК И ГИТАРА

За закатом вослед скорый день
спрятал взгляд заполошный,
Унеся вожденность мирскую
на святость и грех.
Где-то там, за протокой,

гагара всплакнула истошно,
Но кулик, божья тварь, из травы
пересвистывал всех.

Отними, моя тундра у злого
и силу, и волю,
Охрани его глаз от желания
зреть твою роль,
Окропи его руки своей терпеливой
слезою,

И упрячь в одеяния,
в коих таишь свою боль.
О, захочет ли он
испытания на молчаливость
В час, когда возжелает
его ненасытный собрат
С тех-но-ген-ной настырностью
(только-то чреву на милость!),
Кроме кожи, ногтей, даже жилы
с ладоней содрать?

Говорливую песню тянули
душа и гитара.
Тихий вечер к щеке
ироничною грустью приник.
Потешалась над болью моей
за протокой гагара,
Клянчил, вторил тоске
несговорчивый божий кулик.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ФОТОГРАФИЕЙ

*Кириллу Килпалину,
земляку, художнику, подвижнику*

Умылась росной прохладой тундра.
Прыщи домов. Грязно село.
Кричало солнце из чрева утра
Глазам, де, больно, душе — светло!

Раскосой бровью —
крылом глазницы
Я вязь картины навёл на кисть.

Из бездны кружки хлебнул «водицы»,
Привычно молвил: «Така вот жисть!»

Уединение бескрайней тундры
В размерах малого холста
Писцу иному увидеть трудно,
Хотя, быть может, мысль проста.

Не земляков моих тщедушность,
Не иго «огненной воды» —
Душа земли! Иная сущность
Таит всеведенья бразды.

Когда рукою смуглой чарку
Я вожделенно подносил
К устам своим, под стать подарку,
(Я много думал, много пил!),

Я рек себе:
— Пиши не кистью
С его морщины полотно!
Пусть колер — малахай ершистый,
Но глаз и рот — души окно!

Умылась росной прохладой тундра.
Кричало солнце из чрева утра...

Жить бы и жить
Где-то у скромной реки,
Чистой, застенчиво-светлой,
Суетной лишь по весне.
Быть бы и быть
Сладкой неубылью, всем вопреки,
Долгой звездой не приметной,
Как бы светящей извне.

Словом ли встречу
Гнусность, продажность душ?
Или играть молчуна
Против распознанной лжи?
Мукой истечь —

Грустный итог или чушь,
Чушь неизбытности сна?
Вера иссохшей межи?

Долгий расклад
Символов, грёз, прочих дел.
Вот уж мерило-пасьянс:
БЫЛО — ДАНО — ДАЛЕ ЖДЁТ!
Жил наугад,
Большого ждать не умел.
Будни — аванса альянс
С блудной мечтой, под расчёт.

Тронутый мозг
Вечной идеей о днях
Всечеловечьей весны,
Странно картину низвёл
В образный воск.
Но для души «на парах»
Веги достаточны,
Благо, поэт — не осёл!

Вот и живу
Где-то у скромной реки,
Чистой, застенчивой, светлой,
Суетной лишь по весне.
Тёшу молву
Сладкой неубылью, всем вопреки,
Долгой звездой не приметной,
Как-бы светящей извне.

КАРТИНА НА СНЕГУ

*В деревне по весне,
когда ещё не сошёл снег,
отстреливали собак...*

Ах, по снегу
Словно пролит сок брусничный,
Белу негу
Жжёт, уродует цинично.
В эту пору
Красный с белым — разве можно?

Только вторит
Всё над ухом дух морозный:

— Ты попробуй
Горсть багряных, талых ягод
Над сугробом
Подавить. Да, капли лягут
Той картиной,
Что оставила нежданно
Кровью псина
С драной, возле сердца, раной.
Ах!...

УПРАЖНЕНИЕ

Сломанный, скованный,
скомканный стих
Внутри меня больно и зольно
притих.

Вдох наполняю я воздухом слов.
И вновь выдыхаю я благостно:

«Оф-ф!»

Нёбо, как небо, объяло язык,
Лёгкою птице язык быть привык.

Глаголово тело, согласно волне
Утробы душевной, клокочет во мне.

Хрип (нечто крик?) осных связок

и жил

Рта горловину натужно прошил.

Вдох наполняю я воздухом слов.
И вновь выдыхаю я благостно:

«Оф-ф!»

Корякский национальный округ,
с. Палана.

